СТАТЬИ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

**ПРОБЛЕМА РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ, ЗАРУБЕЖНОЙ И СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ¹**

Изучение истории внешней политики Руси до времени образования русского централизованного государства — важная и актуальная проблема нашей науки. Решению этой проблемы должно способствовать изучение истории русско-византийских отношений — экономических, политических и культурных — в рамках определенных периодов в истории Руси, т. е. выяснение вопроса, какое место в истории Руси и какое значение для нее имели отношения с Византией в дофеодальный период (VI—VIII вв.), в раннефеодальный (IX—XI вв.) и в период развитого феодализма (до падения Византии в 1453 г.).

В ряду исторических тем, признанных Академией Наук СССР подлежащими преимущественному изучению, очень много внимания уделено проблемам международных отношений России и, в частности, вопросам русско-византийских связей.² Как известно, проблема русско-византийских отношений, несмотря на наличие в этой области ряда ценных работ по отдельным вопросам, остается еще недостаточно исследованной. Одной из основных причин такого положения является малое число дошедших до нас источников. Исторiku, занимающемуся русско-византийскими отношениями, нетрудно убедиться в скудости письменных источников — одинаково, как русских, так и византийских, которые, к тому же, распределены очень неравномерно для девятисотлетнего периода этих взаимоотношений. Можно сказать совершенно определенно, что хотя научная литература по истории древней Руси и Византии огромна, хотя сохранилось много письменных источников и для истории Византии и для истории древней Руси, но для истории русско-византийских отношений письменных источников дошло до нас сравнительно немного. Поэтому лишь небольшая часть вопросов, относящихся к данной проблеме, при современном состоянии источников может быть освещена со значительной степенью ясности и полноты; другие вопросы могут быть освещены менее четко и, наконец, третьи могут быть только поставлены.

При наличии большого количества фактов, отражающих русско-византийские связи во всех областях средневековой русской культуры,

¹ Ввиду безвременной кончины автора статья не была окончательно им отредактирована.

² Доклад акад. В. П. Волгина. Исторический журнал, 1945, № 3.

мы почти лишены исторических свидетельств — русских источников об отдельных конкретных моментах в истории сношений древней Руси с Византией. „Повесть временных лет“ уделяет, правда, значительное место русско-византийским отношениям до крещения Владимира, но с того времени, как заимствованное из Византии христианство стало господствующей религией на Руси и русско-византийские отношения стали более тесными, русская летопись очень редко упоминает о Византии. Случайные указания на приход „из Грек“ митрополита, на вызов оттуда мастеров, на рождение в княжеской семье сына от царицы „гръкини“ и т. п. — все это представляет чрезвычайно скудный материал для восстановления картины тех непрерывных связей, которые проявлялись в постоянных сношениях русских князей с византийским двором, в политических браках, в общении русской митрополии с константинопольским патриархатом, в регулярном товарообмене, осуществлявшемся ежегодными путешествиями в Византию русских торговых караванов, наконец, как уже выше было сказано, в культурных взаимоотношениях, свидетельством которых являются многочисленные художественные и литературные источники древней Руси. Скудость известий этого рода характерна не только для летописей, но и для памятников агнографии и для актового материала, который, к тому же, для периода, предшествовавшего монголо-татарскому нашествию, почти не сохранился. Те же из уцелевших актов, которые являются наиболее важными, носят следы последующих наслоений, и вопрос об их подлинности является до настоящего времени одним из сложных вопросов нашей историографии.

Для XIV—XV вв. летописные сведения более обильны, особенно в части актового материала, но данные этих источников касаются главным образом церковных отношений.

Не богаты интересующими нас сведениями и византийские источники, и, кроме того, материал в них распределен очень неравномерно. Они достаточно полно освещают славянские вторжения на Балканский полуостров в VI в., а также сообщают немало ценных сведений о быте и нравах славян. Но затем наступает долгий перерыв, и только источники IX—X вв. снова начинают говорить о восточных славянах и Руси в связи с нападением Руси на Византию. Лев Диакон дает обстоятельное описание войны Святослава с Цимисхием, но о крещении Руси при Владимире не упоминает ни один византийский историк X—XI вв. Русско-византийские отношения XI—XII вв. тоже находят мало отражения в византийской исторической литературе. Только для палеологовского времени и византийские сведения становятся обширнее, но главным образом потому, что для этого периода и в Византии сохранилось значительно больше актового материала, посвященного церковным взаимоотношениям Руси и Византии.

Все историки древней Руси должны были в той или иной мере касаться русско-византийских отношений, говорить, например, о нападениях Руси на Константинополь, о русско-византийских договорах, о крещении Руси. Историография по вопросам древнерусской истории, так же как и истории Византии, очень значительна, но этого никак нельзя сказать относительно исторических работ, посвященных специально русско-византийским отношениям. Отсутствие достаточного количества источников несомненно сказалось на ограниченности литературы, посвященной этим вопросам.

Изучение русско-византийских отношений было начато в XVIII в. и прежде всего Василием Никитичем Татищевым (1686—1758) в его „Истории российской“. Он первый собрал и изучил древнерусские летописи

и известия византийских писателей, относящиеся к указанной теме, и дал сводку летописного материала. Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) для своей „Древней истории российской“ читал Иордана, Прокопия, Павла Диакона, Зонару, летописца Феофана, Льва Грамматика и другие византийские источники. Он первый показал, что русское государство и культура созданы не варяжскими дружинниками, а славянами, представляющими собой, по мнению Ломоносова, коренное население междуречья Дуная и Днестра.

Не может быть обойден большой труд Михаила Щербатова (1733—1790) „История российская от древнейших времен“, где собраны воедино огромные „припасы“ исторических знаний о древней России.

Накоице, Н. М. Карамзин (1766—1826) не только подвел итоги исторических работ XVIII в., но и впервые сделал их достоянием широкого круга читателей.

Первые академики-немцы, начав изучение русской истории, занимались собиранием источников по древнерусской истории. Среди них одно из первых мест занимали византийские источники. Это видно из того, что Т. З. Байер (1694—1738) напечатал в „Записках Академии“ небольшие статьи по специальным темам нашей древней истории, основанные главным образом на византийских источниках, как, например, „О первом походе руссов против Константинополя“ (т. VI), „О происхождении Руси“ (т. VIII), „Русская география по Константину Порфирородному“ (т. IX); И. Г. Стриттер издал на латинском языке четырехтомный свод византийских свидетельств о Руси.¹ В XIX в. русско-византийскими отношениями занимались также П. Круг (1764—1844) и А. Куник (1844—1899). Круг специально занимался вопросами древнерусской хронологии и нумизматики. Наиболее крупный труд его — „Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie“,² в котором впервые была подвергнута специальному изучению византийская хронология в ее связи с русской историей.

По смерти Круга Куник издал его „Forschungen in der älteren Geschichte Russlands“,³ в которых Круг выступал ярким пропагандистом норманской теории. Имя Куника уже в его время было символом ученого чудачества, мелочной, бесплодной и мертвенной академической науки — без высокой мысли, без общей объединяющей идеи. О нем говорили, что он всю свою жизнь только и занимался варяжским вопросом, толчением воды в скандинавской ступе, бесцельным и даже вредным.⁴

Данная выше оценка Кунику недалека от истины. Однако следует сказать, что он написал и напечатал немало статей по византийско-русским отношениям,⁵ немало сделал в области древнерусской нумизматики, которая, отчасти благодаря его трудам, впервые получила более прочное обоснование, но работы его, так же как и работы Круга, были далеки от актуальных вопросов и не привлекали внимания русского прогрессивного общества.

¹ I. G. Stritter. *Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontem Euxinum... e scriptoribus historiae byzantinae et erutae ex digestae a I. G. Strittero. Petropoli imp. Acad. scient., 1774—1779.* (Это издание было подготовлено по инициативе Шлецера).

² P. Kруг. *Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie.* СПб., 1810.

³ P. Kруг. *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands,* СПб., 1848.

⁴ В. Васильевский. А. А. Куник (некролог). *Виз. вр., т. VI, 1899,* стр. 619.

⁵ Там же, стр. 633—636.

Проблема русско-византийских отношений еще долго оставалась предметом горячих научных споров отдельных историков и публицистов России. Так, в 1836 г. П. Я. Чаадаев в журнале „Телескоп“ напечатал свое знаменитое „философическое письмо“, в котором причину отсталости и изолированности России он видел в том, что она взяла христианство из Византии, что она вступила „в связь с растленной Византией“. „Письма“ Чаадаева явились началом широкой идеологической борьбы 30—40-х годов, оказавшейся безусловно плодотворной для развития русской общественной и научной мысли — борьбы так называемых западников и славянофилов. Например, И. В. Киреевский противопоставлял России, славянство, восток Европы с греческим миром, Византией и православием Западу с христианством римско-католического толка, отравленным и извращенным рационализмом римской культуры.¹

Борьба этих течений в русской общественной и исторической мысли середины XIX столетия способствовала пробуждению интереса к изучению русско-византийских отношений. Однако научная школа русского византиноведения возникла только в 70-х годах XIX в.

Русские историки либерального направления этого периода, при всей буржуазной ограниченности их взглядов, плодотворно разрабатывали проблемы как истории России, так и истории Западной Европы (П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский). Появляются в это время крупные ученые и в области византиноведения (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков). В области исследования социально-экономической истории Византии и русско-византийских отношений наиболее видную роль сыграл В. Г. Васильевский. Являясь представителем буржуазной позитивистской историографии, владевшим в совершенстве техникой исторического исследования, он все же оставался историком-идеалистом и эклектиком. Слабость своей общей исторической концепции понимал он сам, так как сознательно уклонялся от разработки широких тем, предпочитая собирать и комментировать отдельные источники или изучать частные и узкие вопросы. Так, он занимался изучением византийских источников по истории древней Руси (житиями Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, „Запиской греческого топарха“), историей варяго-русской дружины на службе византийских императоров, событиями, связанными с крещением Руси, изучением отдельных вопросов, связанных с проблемой русско-византийских отношений в X и XII вв.

Утверждение акад. С. А. Жебелева о том, что и „теперь еще ни одна работа Васильевского не устарела, не утратила своей актуальности“, представляется нам преувеличенным.² Мы не можем согласиться с рядом положений Васильевского и, прежде всего, с его характеристикой феодализма, неприемлемой для историка-марксиста. Он трактует феодализм не как общественно-экономическую формацию, а лишь как форму политической организации общества. В. Г. Васильевский идеализирует византийскую общину, затушевывая в ней наличие противоречий, изображая византийское государство (и прежде всего императоров Македонской династии) защитниками общины. Реакционность политических взглядов Васильевского проявлялась в его осуждении классовой борьбы. Мы не можем, конечно, согласиться с утверждением Васильевского, что „скандинавская теория происхождения Русского

¹ Московский сборник, т. III, М., 1852, стр. 64.

² С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задача в советской науке. ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 14.

государства до сих пор остается непоколебленной, и те, которые пытались поколебать ее, терпели заведомую неудачу“.¹

Невозможно, на наш взгляд, согласиться с попыткой Васильевского приурочить время действия „Записки греческого топарха“ ко времени похода Святослава на Болгарию. Следует также признать ошибочным вывод Васильевского, что два письма Михаила VII Дуки адресованы русскому князю Всеволоду. Васильевский приурочивает эти письма к 1073—1074 гг. Он считает, что одна из дочерей Всеволода была раньше помолвлена с сыном Романа Диогена и что Михаил VII, обращаясь к Всеволоду с предложением брачного союза, желал за это получить военную помощь или во всяком случае невмешательство русских в болгарское восстание 1073 г. Точка зрения Васильевского была затем поддержана его учеником П. В. Безобразовым и с некоторыми вариантами была принята почти всеми русскими учеными.

Но аргументы Васильевского искусственны и неубедительны. Зажатая между двумя врагами — турками-сельджуками и южноитальянскими норманнами, лишенная в то время возможности бороться с оружием в руках против этих противников, Византия должна была сделать попытку обезоружить одного из этих противников и противопоставить его другому. Что такая попытка и была в то время действительно сделана Византией, показывает брачный договор, заключенный между Робертом Гюискарром и Михаилом VII Дукой, о браке сына Михаила и дочери Роберта, договор, опубликованный Безобразовым.² Поэтому письма Михаила Дуки адресованы были Роберту Гюискарру и не могут считаться источниками для характеристики русско-византийских отношений второй половины XI в.

Но справедливость требует признать, что и теперь, спустя 50 лет после смерти Васильевского, многие его труды в области византийско-русских отношений остаются непоколебленными, несмотря на то, что некоторые представители современной буржуазной историографии стремились оспаривать их. В трудах Васильевского многие важные моменты в древнейшей жизни русского народа были представлены совсем в новом историческом освещении.³ Васильевский первый обратил внимание на тот факт, что русские на заре своей истории играли гораздо более значительную культурно-политическую роль, чем это было принято думать раньше. На основании источников он обосновал то положение, что русских купцов на Западе хорошо знали в немедких придунайских городах в начале X в., а на Востоке в Багдаде они появились на целое столетие раньше. Васильевский, сам того не желая, нанес серьезный удар норманистам, доказав на основании анализа жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, что народ, называвшийся Русью, с успехом осаждал Амастриду и Сурож уже в начале IX в.⁴

В работах Васильевского „Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI—XII вв.“⁵ и „К истории 976—986 годов“⁶ крещение Руси при Владимире впервые получило правильное освещение как событие большого значения в мировой истории.

¹ В. Г. Васильевский, Труды, т. III, Пгр., 1915, стр. 667.

² П. В. Безобразов. Незданный брачный договор Михаила VII Дуки с Робертом Гюискарром. ЖМНП, ч. 265, 1889, сентябрь, стр. 23—31.

³ См., например: В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, ч. 258, 1888, июль.

⁴ В. Васильевский. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Труды, т. III.

⁵ В. Г. Васильевский, Труды, т. I. СПб., 1908.

⁶ Там же, т. II, вып. I, СПб., 1909.

В монографии „Византия и печенеги“¹ Васильевский осветил новое событие, предшествовавшее первому крестовому походу, и первые походы к нему, роль печенегов в истории Византии XI в., отношение их к сельджукам, длительную и неудачную борьбу с ними Византии, что в конечном счете и заставило византийское правительство обратиться к Западу за помощью. Иначе, чем предшествующие ему историки (русские и зарубежные), объясняет он и начало крестовых походов. Мы не можем согласиться с некоторыми частными положениями автора, например признанием подлинности письма Алексея I Комнина к графу Роберту Фландрскому в том виде, в каком оно до нас дошло. Но основные положения работы признаются до настоящего времени правильными.

Широкий исторический кругозор Васильевского дал ему возможность установить связь таких, казалось бы, далеких друг от друга явлений, как печенежские набеги и история первого крестового похода. Работа Васильевского, освещающая этот вопрос, показала, какой грозной силой в XI в. были тюркские народы и каким трудным делом для Руси, впрочем осуществленным ею успешно, было преодоление печенежской и половцевкой силы.

Крупное научное значение имеет также работа Васильевского „Из жизни Византии в XII веке“², в которой автор показывает отношения Руси и Византии на фоне существовавшей тогда политической ситуации в Европе.

Он отмечает, что в XII в. Византия была во вражде с Венгрией и в союзе с Галичем, Венгрия — во вражде с Галичем и в союзе с Изяславом Киевским, Галич — во вражде с Изяславом и в союзе с Юрием Долгоруким. Этой международной ситуацией Васильевский объясняет церковный конфликт между Русью и Византией, вспыхнувший при Изяславе Мстиславовиче.

Некоторые дополнения к выводам Васильевского дает академик К. Э. Грот в своей ценной работе „Из истории Угрии и славянства в XII веке“³, где он уделяет особое внимание политике императора Мануила по отношению к Венгрии, Галичу и Киеву.

Васильевский, так же как Цахариев фон Лингенталь, признавал наличие глубокого аграрного переворота в Византии в результате славянской колонизации империи. По его мнению, Византия, получившая в наследство от Рима крупное землевладение и колонат, в VII—VIII вв. переживает глубокий этнографический и социальный переворот, в результате которого вместо закрепощенных юстиниановских колоннов появились свободные крестьяне и общинное землевладение. Васильевский приходит к выводу, что переворот этот произошел стихийно — вследствие военного разгрома империи арабами и славянами и славянской колонизации Балканского полуострова. О значении, которое Васильевский приписывал крестьянской общине, можно судить по тому, что именно в появлении свободного крестьянства в VII—VIII вв. он видел тот „прилив новых сил“ и „улучшение экономических основ государственного быта“, которое подняло жизненную энергию Византии в эти века.

В отличие от Цахариев, Васильевский считал, что „Земледельческий закон“ не предшествовал этнографическому и социальному перевороту,

¹ В. Г. Васильевский, Труды, т. I.

² Славянский сборник, т. 2, отд. I, СПб., 1877, стр. 210—290.

³ Варшава, 1889.

а последовал за ними и только закрепил то, что уже существовало в действительности.¹

Васильевский явился создателем и главой русской научной школы византиноведения, давшей немало ценных работ по всем разделам истории Византии. Но в области изучения византийско-русских отношений пример Васильевского не нашел большого количества подражателей.

Известное внимание русскими историками было уделено русско-византийским договорам. Если А. Л. Шлецер отрицал подлинность договоров, то все другие русские историки, изучавшие договоры, не сомневались в их подлинности. Со времени появления ценного исследования Н. А. Лавровского „О византийском элементе в языке договоров русских с греками“, напечатанном в 1853 г., этот вопрос считается решенным в положительном смысле. В 1876 г. вышла из печати работа С. А. Гедеонова „Варяги и Русь“, в которой автор пытался дать картину самого способа составления договоров и появления их в славянском переводе. Автор подверг правильной критике норманскую теорию происхождения Русского государства.² Вслед за тем появляются работы В. И. Сергеевича „Греческое и русское право в договорах с греками X века“,³ А. Димитриу „К вопросу о договорах русских с греками“,⁴ А. А. Шахматова „Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря“,⁵ посвященные главным образом вопросу, является ли договор, записанный под 907 г., настоящим договором или же только предварительным соглашением, на основании которого был заключен в 911 г. уже формальный договор.

Сообщения Константина Порфирородного о Руси в его трактате „De administrando imperio“ служили предметом разбора ряда русских и иностранных историков. Объектом специального изучения они были в работах А. Рамбо,⁶ Г. Ласкина,⁷ Дж. Бьюри,⁸ Г. Манойловича.⁹ Все эти авторы, хотя и способствовали уяснению известий Константина, стояли на позициях норманистов.

История борьбы Цимисхия со Святославом изучалась в работах А. Д. Черткова „Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 годах“,¹⁰ М. С. Дринова „Южные славяне и Византия в X в.“,¹¹ Н. Знойко „О посольстве Калокира в Киеве“.¹²

Довольно значительная литература была посвящена так называемой „Записке греческого топарха“. О ней, кроме Васильевского, писали

¹ Zachariae von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Изд. 1-е, 1864; изд. 3-е, 1893; В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 251; он же. Заководательство иконоборцев, там же, стр. 140. сл.

² С. А. Гедеонов. Варяги и Русь, тт. I—II. СПб., 1876.

³ ЖМНП, ч. 219, 1882, январь.

⁴ Виз. вр., т. II, № 4, 1895.

⁵ Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII.

⁶ A. Ramboud. L'Empire grec au dixième siècle. Paris, 1876.

⁷ Г. Ласкин. Константин Порфирородный. „О фемах“ и „О народах“. М., 1899.

⁸ J. H. Bury. The Treatise De administrando imperio. BZ, XV, 1906.

⁹ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“ Константина Порфирородного. Zagreb. Rad, v. 182, 186, 187. Перевод на русский язык этого ценного труда хранится в Ленинграде в Архиве Академии Наук и, к сожалению, еще не опубликован.

¹⁰ М., 1843.

¹¹ Чтения в Обществе истории и древностей, 1875, кн. 3.

¹² ЖМНП, новая серия, 1907, ч. 8.

А. А. Куник,¹ Ф. И. Успенский,² П. Н. Милюков.³ Но ни один из этих историков не мог дать правильного истолкования этого документа отчасти потому, что сам памятник представлял мало реальных черт, чтобы дать о нем положительное заключение, а еще более вследствие стремления без достаточных оснований связать этот памятник с историей крымских готв.

В специальной работе⁴ автора настоящей статьи, посвященной этой „Записке“, уже было показано, что она не имеет никакого отношения ни к Крыму, ни к крымским готам. Составитель „Записки“ — византийский военный чиновник, а не крымский топарх. Равным образом ни Святослав, ни хазары не имеют никакого отношения к „Записке“. Эта „Записка“ проливает новый свет на историю греко-болгарской войны при Василии II и Самуиле, а также показывает отчаянные усилия византийских властей удержаться в Придунайской области в период наибольших успехов Самуила.

Культурных связей Византии с Русью периода феодальной раздробленности касались многие русские историки, историки церкви, историки литературы и т. д., но касались этой проблемы только попутно, в связи с изучением истории русской церкви, литературы и искусства. Исключение составляют работы акад. Н. П. Кондакова, главным предметом исследований которого была история византийского и в связи с ним древнерусского искусства.

При посредстве разработанного им иконографического метода он написал свою историю византийского искусства, памятники которого изучались им во время многочисленных путешествий по Востоку и Европе. Древнерусское искусство он рассматривал как зависящее от византийского, из которого он выделял греко-восточную ветвь. В работе „Русские клады“⁵ И. Толстой и Н. Кондаков, изучая курганные древности и клады периода, предшествовавшего монголо-татарскому нашествию, дают большой фактический материал по выяснению русско-византийских культурных связей в области искусств и техники. Но издание это имеет и крупный порок, заключающийся в необоснованной предпосылке, что все высокохудожественные изделия древней Руси созданы руками византийцев. Переоценивается, в частности, и роль херсонесских изделий на Руси.

Специально вопросу о культурном влиянии Византии на Русь были посвящены две работы: В. С. Иконникова „Опыт исследования о культурном значении Византии в Русской истории“⁶ и Ф. А. Терновского „Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси“.⁷ Обе эти работы и при своем появлении не представляли сколько-нибудь ценного вклада в науку, а в настоящее время безнадежно устарели.

В работе Иконникова после поверхностной характеристики византийской культуры дается такая же поверхностная характеристика древнерусской культуры. Автор подробно описывает в своей работе книж-

¹ О записке готского топарха. Записки Академии Наук, т. 24, 1874, стр. 61—93, 116—127.

² Киевская старина, т. XXV, Киев, 1889, стр. 253 сл.

³ Время и место действия „Записки греческого топарха“. Труды Археологического съезда в Москве, т. III, 1897, стр. 278—289.

⁴ М. Левченко, Виз. вр., т. IV, 1951.

⁵ Русские древности в памятниках искусства, изд. И. Толстым и Н. Кондаковым, вып. I—VI. СПб., 1897.

⁶ Киев, 1869.

⁷ Киев, 1875.

ные богатства московских царей XVI в. и не менее обстоятельно освещает историю русского монашества XV—XVI вв. и монастырского землевладения этого времени. Вторая часть этой работы посвящена истории русской церкви XV—XVII вв.

Не выше по качеству и работа Терновского. Первая часть ее представляет пересказ различных событий из византийской истории, заимствованных у Малалы, Амартола, Манасси и Зонары, и сличение их с событиями русской культуры. Вторая часть, имеющая несколько бóльшую ценность, говорит о русских путешествиях в Византию, о греках, по тем или иным причинам приходившим на Русь, и связях русской церкви в XV—XVII вв. с греками. Следует указать также и на таких византинистов, как известный археолог Порфирий Успенский (1804—1885), который вывез с Востока обширнейшую коллекцию древних рукописей и книг и на основе изучения сношений древней Руси с афонскими монастырями написал историю Афона, напечатанную сначала в „Трудах Киевской духовной академии“, а потом вышедшую отдельным изданием.

Вторым крупнейшим после Васильевского русским дореволюционным византинистом является Ф. И. Успенский. Правда, он мало касался русско-византийских отношений. Занимаясь историей образования второго Болгарского царства, он все же сделал ценное наблюдение, что болгарам в их освобождении от византийского ига помогали куманы и русские бродники и что таким путем эта русская вольница принимала участие в византийско-болгарской войне в конце XII в. на стороне болгар, хотя русские князья в то время являлись союзниками Византии.¹

В последней четверти XIX и в самом начале XX в. появилось несколько работ, посвященных истории средневекового Крыма и Северного Причерноморья. Так, Ф. К. Брун в своей работе „О поселениях итальянцев в Газарии“² пытался доказать, что венецианцы появились на Черном море не в период существования Латинской империи, а гораздо раньше, но никак не позднее XII в. Точку зрения Бруна поддержал М. Ковалевский, считавший возможным отнести появление венецианцев в черноморских водах еще к XI в. и к этому времени относивший их соперничество с генуэзцами.³ В качестве единственного документального доказательства своей точки зрения Брун и Ковалевский привлекали содержание договора, заключенного императором Мануилом с генуэзцами в семидесятых годах XII в., по которому лигурийским купцам разрешалось плавать по Черному морю. Но этим документом не доказывается, что венецианцы появились на берегах Черного моря уже в XII в.

Огромное значение для Византии черноморского рынка общеизвестно. Именно отсюда византийская столица—самый большой город средневековья—всегда получала разнообразные предметы продовольствия и сырье для своей промышленности. В X в. Русь уже вела собственную торговлю с Византией, и эта торговля была нужна не только Руси, но и Византии.

Наличие в черноморских степях кочевников затрудняло связи Руси с Восточной империей, но они не прерывались.

Торговые связи Византии с Северным Причерноморьем были одной из основ ее экономической жизни. Поэтому Византия ревниво охраняла

¹ Ф. И. Успенский. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 390.

² М., 1873.

³ К ранней истории Азова. Труды XII археологического съезда, т. II, М., 1905.

Черное море от всякого проникновения в него посторонних. Только ее кораблям разрешалось плавать по Черному морю. Осуществление этого проекта экономической политики — монопольного пользования Северным Причерноморьем — было тем более легко, что ни один иностранный корабль не мог пройти в Черное море незамеченным мимо причалов и морской стражи Константинополя.

В связи с этим мы полагаем, что ни венецианцы, ни другие итальянские купцы не могли иметь и не имели регулярных торговых связей с Северным Причерноморьем до 1204 г., т. е. до того момента, когда и морская дорога, ведшая из Средиземного в Черное море, и сам Константинополь оказались в руках латинян. Отсюда понятно, почему Мануил, подготавливая разгром венецианской колонии на территории империи в 1171 г., пошел на уступки генуэзцам, допустив их проникновение в Черное море, за исключением, однако, берегов Азовского моря. Понятно также, почему в договорах Венеции с Византией в XI—XII вв. нет упоминания ни об одном пункте на берегах Черного и Азовского морей, хотя в договорах девяностых годов XII в. венецианцы перечисляли все сколько-нибудь значительные пункты, пригодные для их торговли. В договоре о разделе империи венецианцы не обеспечили за собой никаких территорий и торговых городов по берегам Черного моря. Очевидно, тогда в Венеции не существовало сколько-нибудь значительной группы купцов, которая могла бы побудить венецианское правительство захватить какие-либо пункты в Северном Причерноморье.

Литература, посвященная русско-византийским отношениям XIII—XV вв., еще более скудна. Наиболее видными представителями ее являлись церковные историки, изучавшие взаимоотношения русской и византийской церкви. Такова, например, книга Т. В. Барсова „Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью“.¹ Наиболее обстоятельное изложение событий церковной истории древней Руси дано в работе Е. Е. Голубинского „История русской церкви“, доведенной до середины XVI в. (2 т., 1880—1904). Важнейшее достоинство этой работы заключается в том, что автор ее, опираясь на многочисленные исторические источники, смело, поскольку это было возможно для русского церковника, разрушает целый ряд церковных легенд.

Критицизм Голубинского не идет, однако, дальше определения подлинности или неподлинности источников, а историческое мировоззрение его в достаточной степени ограничено. Голубинский не анализирует исторических фактов, но собранный им богатый фактический материал дает возможность вскрыть классовый характер церковной организации в России.

Об этом же периоде русско-византийских отношений говорит книга В. Саввы „Московские цари и византийские василевсы“.² В ней Савва убедительно доказывает, что московский придворный чин царского венчания в XV—XVI вв. складывался самостоятельно и не был скопирован с византийского образца. То же можно сказать о посольском чине и практике дипломатических отношений Москвы с другими государствами.

Позднее, в эпоху империализма, в среде реакционных буржуазных историков менялись и взгляды на историю отношений России с Византией. Появившиеся новые византиноведческие работы отвергали выводы К. Цахарие фон Лингенталя, В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского

¹ СПб., 1878, стр. 367—578.

² Харьков, 1901.

о значении колонизации Византии славянами. Так, в начале XX в. против выводов указанных исследователей выступил автор большого труда о крестьянской собственности в Византии Б. Панченко, который не признавал никаких переворотов в аграрной истории Византии в результате славянской колонизации и никаких элементов общинного строя в аграрной истории Византии.¹

Точно так же К. Успенский в своих „Очерках по истории Византии“ видел в истории Византии только эволюцию без каких-либо катастроф и потрясений, совершенно отбрасывая проблему славянской колонизации империи и объявляя ее „недоказуемой“.²

Типичным представителем русской дворянско-буржуазной историографии эпохи империализма явился А. А. Шахматов со своими трудами, посвященными русскому летописанию. А. А. Шахматов предложил рассматривать летопись как памятник сложный, имеющий литературную историю, и считал нужным изучать любую часть этого летописания в неразрывной связи с историей всей летописи. Изучение любого частного сюжета требовало, по мнению Шахматова, знания всей литературной истории русского летописания. Это была безусловно новая и ценная мысль в историографии того времени.³

Однако в отношении русской истории IX—XV вв. Шахматов не выходит за рамки дворянско-буржуазной науки; более того, его взгляды кое в чем являлись даже шагом назад по сравнению с буржуазной прогрессивной мыслью XIX—XX вв., имевшей значительные успехи в области исследования отдельных экономических явлений в истории древней Руси.

У Шахматова роль самих славян в создании Русского государства исчезла вовсе; они — лишь объект воздействия разных соседних народов, среди которых главную роль в образовании Русского государства он приписывает норманнам.

Продолжателем Шахматова явился М. Д. Приселков, неутомимый исследователь ряда важных сторон политической и идеологической жизни древней Руси. Он первый создал обобщающий труд по истории русского летописания и восстановил для науки ряд важных памятников нашего далекого прошлого. Он сделал также попытку, правда не увенчавшуюся успехом, преодолеть ограниченность метода Шахматова и внести в исследование русских летописей элемент социально-экономического анализа. Однако в опубликованном в 1912 г. большом труде „Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI—XII вв.“, несмотря на включение ряда новых исторических фактов, Приселков развивал неверную концепцию, утверждая, что вся история нашей страны до монголо-татарского нашествия (по крайней мере ее внешнеполитические отношения) обуславливалась такими явлениями надстроечного порядка, как церковное подчинение Руси Византии.⁴ От этой идеалистической концепции Приселков не освободился до конца своих дней. Приписывая и в позднейших своих трудах церковно-политическим отношениям Руси и Византии решающую роль в исторических судьбах нашей страны, он в то же время пытался совершенно необоснованно доказать, что до 1037 г. русская церковь зави-

¹ Б. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903.

² К. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917.

³ Ср. характеристику Шахматова у Пашуто: В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. Вопросы истории, 1952, № 2, стр. 61.

⁴ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. Исторические записки, 1950, № 35, стр. 203.

села не от Византии, а от болгарской Охридской митрополии.¹ Но, как уже отмечалось в научной литературе, и эта гипотеза Приселкова является несостоятельной, так как ни в одном из источников — русских или болгарских — нет никакого указания на зависимость русской церкви при Владимире от Охридской болгарской церкви. Вся гипотеза Приселкова зиждется на соименности руководителей Киевской и Охридской церкви, живших в 20-х годах XI столетия. Болгарский историк В. С. Николаев совершенно справедливо указывает, что Самуилова Болгария, которая в то время расходовала свои последние жизненные силы в неравной борьбе с Византией, не могла в своих смертельных конвульсиях найти энергию и активность для осуществления такой сложной задачи, какой, несомненно, была христианизация обширного древнерусского государства.² Труды Приселкова, вышедшими в свет после Великой Октябрьской социалистической революции, были: „Киевское государство X века по византийским источникам“³ и „Русско-византийские отношения в IX—XII вв.“⁴ Но и эти работы не свободны от ряда неверных утверждений автора, что нашло свое отражение в справедливой критике Б. Д. Грекова и других советских историков.⁵ В этих работах Приселков тоже преувеличивает степень воздействия византийской дипломатии на южнорусских князей, представляя дело так, что последние предпринимали в XII в. свои походы на половцев исключительно по просьбе византийского правительства — чтобы выручить Византию. Между тем известно, что постоянная борьба со степными кочевниками в связи с их грабительскими набегами была для древней Руси давней и жестокой необходимостью.

Великая Октябрьская социалистическая революция, разорвавшая оковы капитализма, создала благоприятные условия для неограниченного развития исторической науки в нашей стране.

Выход в свет в 30-х годах двух новых работ академиков В. Истрина и С. Обнорского по русско-византийским договорам явился важным свидетельством первых успехов советской историографии в области изучения русско-византийских отношений.

Правда, работа Истрина, относившего появление переводов указанных договоров к концу первой половины XI в. и приписывавшего их переводческому кружку русских книжников, организовавшемуся в Киеве при создании греческой митрополии в правление Ярослава,⁶ не лишена методологических ошибок. Обнорский, справедливо критикуя работу Истрина, писал, что нельзя разрешить вопрос о времени перевода русско-византийских договоров на основе только общих исторических и теоретических соображений, без лингвистического исследования их.

Отвергая точку зрения Истрина о датировке перевода русско-византийских договоров, Обнорский, в результате кропотливого изучения языка этих документов, пришел к правильному выводу, что „появление текста договоров в переводе с греческого языка приблизительно должно

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 36—46.

² В. Николаев. Славяно-български фактор в христианизацията на Киевска Русия. София, 1949.

³ Ученые записки Ленингр. Гос. ун-в., серия истор. наук, вып. 8, 1941.

⁴ ВДИ, 1939, № 3.

⁵ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. Исторические записки, 1950, № 35, стр. 199—231.

⁶ В. М. Истрин. Договоры русских с греками. Изв. Отдел. русск. яз. и словесн. АН, 1924, т. XXIX, стр. 390.

было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов".¹ Отсюда ясно, что договоры Олега с греками являются теми первыми письменными источниками, которые были написаны для славян и на славянском языке.

Для некоторых реакционных течений в современном зарубежном византиноведении характерно стремление всемирного принижения творческой роли Руси и славянства в ходе исторического развития общества.

Произвольный подбор и освещение фактического материала приводит представителей этих течений в современной зарубежной исторической науке к тому, что вся проблема формирования Киевской Руси сводится ими к варяжскому завоеванию.

Подобное же неправильное освещение находит у этих историков и проблема славяно-византийских отношений и связей древней Руси с Византией.

Вопреки историческим фактам, сторонники этой точки зрения пытаются равным образом отрицать выводы, полученные академиком В. Г. Васильевским из анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, неприемлемые для норманистов. Поэтому в последнее время были сделаны некоторые попытки поколебать эти выводы.

Эти историки стремятся трактовать вопросы древней русской истории, по возможности избегая упоминания о славянах, хотя для всех очевидно, что древняя Русь была государством славянским, и потому славяне, естественно, и должны находиться в центре внимания историка. Так, например, для времени между 860 и 941 гг. они не признают никаких достоверных дат русской истории. Они отрицают славянскую основу возникновения древнерусского государства и повторяют легенду о варяжском завоевании Руси.

В 1936 г. в США вышла книга А. Васильева „Готы в Крыму“.² Особенностью данной книги является непомерное преувеличение роли средневековых готов в Крыму, допущенное этим автором в явный ущерб исторической истине.

Не отличается своей объективностью и исторической справедливостью и вторая книга Васильева „Русское нападение на Константинополь в 860 году“.³

Советские историки выступили против подобных фальсификаций исторической истины. В 1938 г. в работе „Византия и славяне VI в.“⁴ автором настоящей статьи было показано, что при переходе от античности к средним векам славяне сыграли не менее видную и активную роль, чем германцы. Сломив в VI—VII вв. вооруженной рукой сопротивление Восточно-Римской империи, они захватили большую часть Балканского полуострова и создали славянские государства, заселив и оставшиеся под властью Византии Фракию, Македонию, значительные районы Греции и Малой Азии. Это внедрение славян на территорию Восточно-Римской империи оказало глубокое влияние на изменение аграрных отношений в Византии.

Е. Э. Липшиц в своей работе „Византийское крестьянство и славянская колонизация“⁵ установила, что византийские крестьянские об-

¹ С. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. „Язык и мышление“, вып. VI—VII, 1936, стр. 103.

² A. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge Mass., 1936.

³ A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge Mass., 1946, стр. 70—78; М. В. Левченко. Фальсификация истории византийско-русских отношений в трудах А. Васильева. Виз. вр., т. IV, 1951, стр. 149—159.

⁴ М. В. Левченко. Византия и славяне в VI в. ВДИ, 1938, № 4 (5).

⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, М.—Л., 1945.

щины, находившиеся еще недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи с славянской колонизацией VI—VII вв.

Эти положения были развиты и дополнены А. В. Мишулиным, который подчеркнул, что „славянская община создавала предпосылки для перехода Византии к феодальной системе хозяйства“, и в этом видел исторически прогрессивное значение колонизации славянами Византийской империи.

В то же время „сами славяне, минуя рабовладельческую ступень развития, переходя к феодальному строю, вступали в число сложившихся европейских народов“.¹

Чтобы ознакомить широкий круг советских читателей с римскими и византийскими источниками по древнейшей истории славян, Мишулин опубликовал переводы отрывков из произведений греческих и римских писателей I—VII вв. под заглавием „Древние славяне в отрывках греко-римских писателей“.²

Вопрос о значении славянских вторжений на территорию Византийской империи для ее социального строя и о славянской основе древнерусского государства наиболее глубоко и всесторонне освещен в трудах академика Б. Д. Грекова „Киевская Русь“ и „Борьба Руси за создание своего государства“.

Советские историки Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, М. Н. Тихомиров, А. В. Арциховский, А. Н. Насонов и др., соединяя широкую критику источников со стремлением раскрыть внутреннюю закономерную связь событий, осветить исторический процесс не как механическое нагромождение событий, а как действительно прогрессивное развитие самого общества, убедительно доказали, что первые государственные образования в среде восточного славянства возникли до пресловутого „призвания варягов“, что Русское государство возникло в результате внутреннего развития общественных отношений, что славянские племена самостоятельно создали свою богатую культуру и заложили основы восточнославянской государственности.

Советские историки — академики Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, а также и С. В. Юшков — окончательно разгромили теории норманистов, выводимые ими из анализа сочинения Константина Порфирородного „De administrando imperio.“

М. Н. Тихомиров показал, что существование славянских княжеств на территории восточных славян в IV—VIII вв. является доказанным. Недаром среди древних русских городов нельзя указать ни одного со скандинавским названием. В X в. иностранные источники начинают упорно говорить о варягах и путать их с Русью, потому что в X и начале XI в. идет непрерывная борьба между Новгородом и Киевом, в которой победа остается за новгородскими князьями, опирающимися на варягов. Отсюда домысел летописцев, мешавший признанию того неоспоримого факта, что название „Русь“ — древнее название киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в. до объединения Новгорода и Киева в одно государство. Константин не упоминает о полянах потому, что поляне и были Русью, т. е. жителями киевской земли. Сильный варяжский элемент, окрашивавший дружину

¹ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы империи. ВДИ, 1940, № 1; Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи. Исторический журнал, 1941, № 10—11.

² Там же, 1940, № 1. Этой же темы касался Б. Т. Горянов в статьях „Славянские поселения VI в. и их общественный строй“ (ВДИ, 1939, № 1) и „Славяне и Византия в V—VI вв. нашей эры“ (Исторический журнал, 1939, № 10).

Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда), заставил византийцев, в том числе и Константина, видеть в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян.¹

Юшков дал совершенно убедительный анализ сообщения Константина о днепровских порогах. Норманисты считают эти сведения Константина главным доказательством этнической тождественности норманнов и Руси. Юшков показал, что русские названия порогов у Константина являются не переводами славянских названий, а особой географической номенклатурой. Она состояла из названий, в основе которых лежали как скандинавские, так и славянские корни и, можно думать, корни также и других языков. Следовательно, это была „международная номенклатура“, которой, вероятно, пользовались все проезжавшие по Днепру. Поскольку путь по Днепру был путем мирового значения, и по этому пути везли свои товары представители разных народностей, то можно предположить, что они принимали участие в выработке этой номенклатуры. Вероятно и в Киеве было усвоено название днепровских порогов, данное им купцами разных народностей, в том числе и норманскими.²

Свежую струю в изучение борьбы между Святославом и Цимисхием внесли в советское время работы М. Н. Тихомирова „Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.“,³ П. О. Карышковского „Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе“.⁴

По вопросу, каковы были взаимоотношения между Святославом и болгарами, до последнего времени преобладало мнение, что русский князь силою оружия преодолел сопротивление, которое ему пытались оказать болгары, силой и кровавым террором не только навязал им свою власть, но и заставил их помогать ему в войне за Византию.⁵

Указанные авторы в своих работах привели много данных о том, что отношения между русскими и болгарами далеко не походили на отношения между кровожадными завоевателями и дрожащими под их игом рабами. Они показали, что в войне Святослава против Византии болгары были не врагами, а союзниками Святослава, боровшимися вместе с ним против византийцев, и чтобы добиться союза с болгарами, русский князь должен был пойти им на некоторые уступки.

Значительный материал по средневековому художественному ремеслу, добытый при раскопках в Херсонесе в советское время и представляющий определенный интерес для изучения русско-византийских отношений, опубликован А. Л. Якобсоном в его монографии „Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)“.⁶ Однако историческая часть труда А. Л. Якобсона страдает недостатками, как это установлено рецензентами его работы.⁷

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“. Советская этнография, т. VI—VII, 1947, стр. 79.

² С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 51—52.

³ Славянский сборник, М., 1947.

⁴ Виз. вр., т. VI, 1953.

⁵ См., например: А. Ф. Гильфердинг. История Сербии и Болгарии. Соч., т. I, СПб., 1868, стр. 144; М. Дринов. Южные славяне и Византия. Соч., т. I, София, 1909, стр. 338; В. Златарский. История на българската държава, т. I, ч. 2, София, 1934, стр. 600.

⁶ М.—Л., 1950.

⁷ Е. Ч. Скржинская. Рец. на кн. А. Л. Якобсона „Средневековый Херсонес“. М.—Л., 1950. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 252—269.

Нельзя также признать удачной статью Е. В. Веймарна и С. Стржеleckкого „К вопросу о славянах в Крыму“, напечатанную в 1952 г. в журнале „Вопросы истории“ (№ 4).

В этой статье авторы высказывают необоснованное предположение, что славяне составляли часть постоянного населения средневекового Крыма, что Святослав владел землями в Крыму и частью этих земель наделяет топарха. Авторы только не договаривают, когда же, по их мнению, исчезает постоянное русское население в Крыму. Но, что касается вышеупомянутой „Записки греческого топарха“, то она не имеет никакого отношения к Крыму и Святославу и цитируется авторами только по недоразумению. Утверждая, что русские составляли часть постоянного населения Крыма в раннем средневековье, авторы статьи забывают, однако, ответить на вопрос, почему ни один средневековый источник не говорит о русских как о постоянном населении Крыма? Выходит, следуя Веймарну и Стржеleckкому, что русские, проживая много веков в Крыму в качестве его постоянного населения, держали себя так пассивно, что о них не упомянул ни один средневековый источник. Таким поведением не отличались средневековые славяне. Там, где они проживали в значительном количестве, они заставляли говорить о себе. Вспомним милингов и эзеритов, заброшенных вглубь Пелопоннеса. О них постоянно упоминают византийские и западноевропейские источники. А отсутствие каких-либо источников говорит лишь о беспочвенности гипотез Веймарна и Стржеleckкого. Б. А. Рыбаков в этом вопросе пробует опереться на авторитет Прокопия, но Прокопий помещает антов не в Крыму, а к северу от Меотиды и кутургуров. Относительно же Крыма Прокопий сообщает, что все степное пространство Крыма от Херсона до Боспора занимают гунны.¹ Только на узкой береговой полосе, как он утверждал, кроме греков, разместились готы. Следовательно, по Прокопию, для поселения славян в Крыму не было места.

Дальнейшая история Крыма также не дает никаких упоминаний о славянах как о значительном и постоянном его населении.

Русские могли в византийское время совершать нападения на Крым, могли быть там путешественниками и торговцами, еще чаще попадали туда в качестве пленных, продаваемых в рабство кочевниками, но постоянного населения Крыма они не составляли. Иначе нам будет непонятно бедственное положение Святослава в устье Днепра зимой 971—972 гг.

А. Н. Насонов (так же как и Веймарн и Стржеleckкий) упускает из виду, что если бы при Святославе в Крыму или Тамани прочно укрепилось русское население и между населением Тавриды и Русью существовали такие тесные культурные и бытовые связи, какие предполагают означенные авторы, то Святослав, возвращаясь водным путем из Доростола, не стал бы зимовать в Белобережье в устье Днепра, испытывая там жестокий голод. Точно так же, если бы между Русью и Тавридой существовали указанные связи, то не имели бы места такие факты, как покупка в 1096 г. работорговцем в Херсонесе у половцев монаха Киево-Печерского монастыря Евстратия, захваченного ими в числе многих других в плен. Из источников также известно, что по уговору Евстратия пленники уморили себя голодом, а монах был подвергнут работорговцем мучительной казни, как виновник понесенного им убытка.²

¹ De bello Goth., кн. IV, 5.

² А. И. Яковлев. Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872, стр. 93 сл.

Отрицая положения Веймарна и Стржелецкого, мы не можем не признать, что в византийское время нормальное историческое развитие Крыма возможно было только при условии постоянных и прочных связей с земледельческими русскими областями (в первую очередь Приднепровья и Подонья), для которых Крым являлся естественным берегом Русской земли. Чем прочнее были эти связи, тем полнокровнее могли развиваться производительные силы самого Крыма.

Более успешно после Великой Октябрьской революции производилось изучение русско-византийских связей в области искусства и литературы.

В трудах В. Н. Лазарева, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера отброшена старая оценка древнерусской живописи как „провинциального ответвления византийского искусства“. Так, Каргер пишет: „Русская живопись домонгольского периода все более выступает перед нами как большое и самостоятельное искусство и своими национальными и местными чертами искусство, несколько не уступавшее по высоте своих достижений ни западноевропейской, ни византийской живописи того времени“.¹

Ценные данные для истории русско-византийских отношений дает Д. С. Лихачев в ряде своих работ. Из них необходимо отметить его статью и комментарий в издании „Повесть временных лет“, т. II, статью „Культура Руси эпохи образования русского национального государства“, в которой автор показывает самостоятельность русской культуры XIV—XV вв., и, наконец, статью „Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы“, где автор дает правильное представление об историческом значении так называемого „византийского влияния“.² Лихачеву принадлежит также постановка проблемы о классовой сущности византийского влияния, т. е. обоснование положения, почему в поисках идеологической опоры господствующему классу древней Руси пришлось на определенном этапе обратиться к развитой культуре Византии и почему принималось из Византии то, что отвечало внутренним потребностям развивающегося феодального общества на Руси.

Основные выводы относительно изучения в русской буржуазной исторической науке вопроса о русско-византийских отношениях можно свести к следующему: в русской исторической литературе не имеется труда, специально посвященного истории этих отношений. Все, что написано по этому вопросу, не выходит за пределы общих курсов по истории древней Руси или Византии или представляет изложение отдельных частных вопросов.

Это и понятно, так как из тех немногочисленных источников, которые могут быть использованы для освещения интересующего нас вопроса, нельзя получить более или менее полного представления об этих отношениях в целом и о некоторых очень важных частностях. Кроме того, часть дошедших до нас источников является в ряде случаев отнюдь не безупречной.

Рядом с серьезными исследованиями, как, например, работы Васильевского и других, мы можем насчитать ряд работ, неудовлетворительных с точки зрения самых элементарных требований, которые мы предъявляем к историческим сочинениям, именно — верности историческим

¹ М. К. Каргер. Живопись. История культуры древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 394.

² Повесть временных лет, т. II, М.—Л., 1950 (статья и комментарий Д. С. Лихачева); Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Госполитиздат, Л., 1946; Д. С. Лихачев. Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, 1951, № 12.

фактам. Эта характеристика относится в первую очередь к исторической литературе XIX в. и к началу текущего столетия.

В советский период в связи с общими успехами в области исторической науки достигнуты немалые успехи в разработке общих и частных проблем в различных отделах исторического знания. Некоторые ценные работы появились при советской власти и в изучении русско-византийских отношений. Однако область эта остается еще разработанной совершенно недостаточно.

Отсюда вытекают и задачи нового исследования.

Буржуазные историки утверждают, что Византия принесла Руси жизнь и цивилизацию, что древнерусская культура целиком заимствована из Византии, но забывают тот простой факт, что право древнерусского феодального государства было построено отнюдь не по византийским образцам. „Русская Правда“ отражает не византийское, а обычное право восточных славян и с византийским правом не имеет ничего общего. Напротив, оно представляет значительное сходство с „варварскими правдами“, что объясняется отнюдь не „заимствованием“, а одинаковой ступенью развития, на которой стояли эти народы.

Советские ученые опровергли теорию греческого происхождения русского летописания. Подобно всем другим народам, русские без всяких влияний и воздействий на известном этапе своего культурного развития почувствовали потребность оглянуться назад и осмыслить прошлое для самих себя. Так был создан наиболее выдающийся памятник русской древности — „Повесть временных лет“.

Русь, расположенная на рубеже Европы и Азии, веками напрягала свои усилия, сдерживала натиск азиатских кочевников, служа как бы щитом для европейского Запада. Ее положение было гораздо менее благоприятно для культурного развития, чем положение западноевропейских народов.

И все же, несмотря на такую неблагоприятную обстановку, древнерусская культура в течение X—XII в. в своем непрерывном развитии достигла высокого уровня, как об этом свидетельствуют сохранившиеся памятники материальной культуры того времени, а в области древнерусской литературы — такие величественные ее создания, как летописание, поражающее широтой замысла, богатством фактов, проникнутое идеей глубокого чувства любви к родине.

Все достижения русской культуры в дооктябрьский период, порожденные русской исторической действительностью, развивались не в изоляции от внешнего мира, а в активных и плодотворных связях с ним. Молодое, полное творческой мощи русское общество использовало эти связи для быстрого развития своей культуры. Русь была многим обязана и византийской культуре, но византийское влияние только помогало росту самостоятельной и прогрессивной русской культуры.

Некоторые зарубежные историки игнорируют самостоятельность развития Руси и других народов нашей страны и видят в Византии единственную активную культурную силу, влиявшую благотворно на своих северных соседей.

У историков, придерживающихся подобной точки зрения, Византия выступает в качестве некоего демиурга, который передает Руси начатки культуры, а Русь их пассивно рабски воспринимает. Но такое представление совершенно неправильно. Советские историки (Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев и др.) убедительно доказали, что господствующий класс древней Руси активно брал, в силу внутренних потребностей, а не пассивно получал элементы феодальной культуры Византии, и на

русской почве прививалось только пригодное для тогдашней русской жизни, удовлетворяющее запросам русских людей.

В существующей зарубежной исторической литературе недостаточно отмечается и тот факт, что русско-византийские отношения носили всегда двусторонний характер.

Мы видели, что славяне, приняв активное участие в разрушении рабовладельческого мира, в то же время омолодили Византию, влив в ее организм много новых свежих сил, изменили своей общиной аграрный строй империи и этим надолго продлили ее существование.

Русско-византийские отношения носили двусторонний характер и после образования древнерусского государства. Русь после принятия христианства также воздействовала на Византию. Об этом воздействии свидетельствует та помощь, какую Русь различными способами оказывала Византии, помощь, которая надолго продлила существование империи. В целом Русь бережно относилась к своим связям с Византией и последней из славянских стран порвала свою церковную зависимость от Византии. Мы не касаемся в этой статье вопроса о той огромной роли, какую Русское государство играло в дальнейших судьбах греческого народа и других народов Балканского полуострова в деле их освобождения от турецкого ига.

Подчеркивая самостоятельное происхождение и значение древнерусской культуры, нельзя, однако, впадать в противоположную крайность отрицания всяких влияний, заимствований и взаимодействия народов и культур. Мы знаем, что отрицание влияний, заимствований и взаимодействия культур было характерно для вульгарных материалистов, отвергавших активность надстройки. Классики марксизма-ленинизма не отрицают влияний, заимствований и взаимодействий народов и культур.